

Кроме старинной фотографии 1880-х годов кишлака Баха-ад-Дина, в собраниях МАЭ хранится снимок более позднего времени (предположительно, начала XX в.) — «Вход в мавзолей с. Бехуаддина».

Личность Баха-ад-Дина, одного из выдающихся суфиев Средней Азии, и памятных мест, связанных с его пребыванием, продолжает привлекать внимание исследователей [Аверьянов, Башарин 2009]. Если судить по опубликованным в 2007 г. фотокадрам, в настоящее время архитектурный облик мазара Баха-ад-Дина существенно не изменился, комплекс отреставрирован, поток паломников к месту поклонения лишь возрастает.

Исторические фотографии из музейных коллекций сохранили изображение первоначального вида кишлака и позволяют сравнить их с современным обликом этого места [МАЭ РАН. 2808–25].

Библиография

Аверьянов Ю.А., Башарин П.В. Мазар Баха” ад-Дина вчера и сегодня // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. Вып. II. СПб., 2009.

Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 1998. Вып. 1.

Пославский П. Бухара // Военный сборник. СПб., 1891. Т. 202. № 11.

Семенов А.А. Бухарский шейх Баха — уд дин // Сборник, посвященный А.Н. Веселовскому. СПб., 1914.

Семенов А.А. К прошлому Бухары // Садриддин Айни. Воспоминания. М.; Л., 1960.

Сухарева О.А. Бухара. XIX — начало XX в. М., 1966.

Р.Р. Рахимов

ДЕРЕВО В КАРТИНЕ МИРА ТАДЖИКОВ

Полевые материалы, собранные автором, в последние годы в древних оседло-земледельческих районах Центральной Азии, свидетельствуют о том, что деревья, прежде всего платан (тадж. / перс. *чинор*) и можжевельник (*бурс*, тюрк. *арча*) утвердились в религиозном сознании местного населения не просто как «зеленые объекты». По всему видно, что в традиционной обрядности с ними связаны достаточно сложные религиозно-мировоззренческие представления, ведущие к да-

леким доисламским временам. Эти представления, в конечном счете, определяют характер и смысл использования дерева в мифоритуальной традиции таджиков. Позволю себе в кратком изложении сказать о существующем у изучаемого народа традиционном женском обряде, называемом *мушкилкушо*, букв. — «развязывание (узла) трудности / развязывание не развязываемого (узла) трудности»¹.

К *мушкилкушо* обычно прибегают для исцеления больных, а также с целью рождения детей, в особенности мальчиков, устранения «черной полосы», упрочения (это уже специфика нашего времени) семейных уз и т.п. В некоторых районах к югу от Гиссарского хребта этот обряд чаще всего проводится под платаном или можжевельником, в то время как, например, на Зеравшане он устраивается дома у устроителя.

В сценарии обряда — церемония продолжительного чтения молитв и заклинаний. Ее предваряет кораническая молитва «Открывающая книгу» (Сура 1), за которой следуют другие, преимущественно в форме заклинаний. Они содержат молитвенные формулы Создателю мира, всем небесным силам, пророку религии, душам святых и праведных ислама, в том числе суфийским шейхам, святым Момо Хавво (библ. Ева), Халиче² и Фатиме-Зухре³. В них содержатся просьбы покровительствовать больному (разумеется, если целью обряда является избавление от болезни), дать ему исцеление, долгую, счастливую и обеспеченную всевозможными благами жизнь. Предполагается целование магического дерева, смазывание участниками обряда лиц пылью с поверхности его ствола и другие действия.

Большое значение придается *тавофу* — совершению ритуальных (медленных и безмолвных) круговых движений участников вокруг сакрального дерева. *Тавоф*, как и в случае с традиционным обведением молодоженов вокруг благословенного огня, совершается троекратно против часовой стрелки. В арабском языке это слово употребляется для обозначения ритуала хождения вокруг *ал-Ка'бы* в центре главной мечети Мекки во время паломничества верующих мусульман в святыню ислама. Известна также практика ритуальных обходов вокруг культовых зданий на Великой Пасхе в православии.

Мушкилкушо завершается вкушением ритуальных кушаний, за которым опять следуют молитвы в форме магических сентенций. Обряд дает ощущение стремления исполнителей установить некую связь меж-

¹ Одна из форм ритуала *мушкилкушо* описана автором в [Рахимов 2007: 151–161].

² *Халича* (лит. *Хадича*) — имя первой жены Пророка Мухаммада.

³ *Фатима* — имя дочери Пророка Мухаммада; *Зухра* — ее эпитет.

ду персонифицированным деревом и больным, так сказать, замкнуть воспринимаемую воспринимающую душу дерева на помощь ему.

Конечно, человеку, для которого является привычным религиозное учение, основанное на авторитете Священного Писания, подобное отношение к дереву может показаться наивным. Есть, однако, принципиальная разница. Привыкший к книжному (монотеистическому) учению повторяет заученное механически, в то время как паломник-деревопоклонник, например в исследуемом нами селении Симигандж (долина р. Каферниган), переживает образ дерева. Он пропускает дерево через себя, полагая, что ближайший к нему и зримый им объект обладает восприимчивой душой, которая, будучи частью, составляющей целостность восприимчивого Мирового Духа, возносит к Нему молитву, выраженную в большей степени в форме, соответствующей случаю магических слов и выражений.

Возникает вопрос о смысле проведения *мушкилкушо*, например, под платановым деревом. Одна из причин выбора платана в качестве дерева, обладающего потенциалом исцеления, связана с его долговечностью. Кроме того, существует предание, которое повествует о том, что некогда *чилтаны* («сорок праведных мужей» ислама), гонимые *кафирами* (инакововерующими, противостоящими установлению норм и принципов ислама), спаслись, найдя волей Всевышнего Бога убежище в дупле платанового дерева. Когда праведные, над жизнью которых нависала угроза смерти, бежали куда глаза глядят, неожиданно перед ними, как из-под земли, появился платан с трещиной в стволе. В мгновение ока трещина приняла форму лаза. Один из героев заглянул туда, а за лазом — огромная пустота, похожая на пещеру. Не медля, праведные, находившиеся в шаге от смерти, забрались в пустое пространство в теле платана и скрылись, оставив врагов религии (*мунофикин*) в неведении. С тех мифических времен жители Симиганджа к платану относятся как к священному дереву спасения. Выходит, выбор платанового дерева для проведения под ним обряда *мушкилкушо* с целью избавления от болезни связан с представлением о нем как о дереве спасения.

Представления, подобные изложенному, дают достаточную пищу для размышления. Понятно, что основой веры книжника является то, о чем говорится в Писании, сказать иначе, в Учении (по Элиаде — Канон). В обрядовой практике «не-книжник» переживает то, о чем повествуется в мифе, он проецирует на зримое дерево устоявшийся мифологический образ дерева спасения. На следующем этапе мыслительной операции руководительница обряда *мушкилкушо* дерево спасения «заряжает» на помощь больному. Следовательно, она переживает не само

дерево, а мерцание в нем проявления одушевленности, которая открывается ей не в физически существующем дереве, а в его символах. Тогда дерево для него обретает смысл, оно становится некоей животворящей, воспринимающей, дарующей, спасающей сущностью, которая скрывается за палитрой его индивидуальных образов.

Таким образом, какое бы почитаемое дерево мы ни взяли, выясняется, что оно становится объектом благоговейного отношения благодаря его насыщенности сакральными образами. Это величие, твердость и долговечность платана, вечная зелень можжевельника, изобилующий природной стерильностью ягод и терпящий испытания ежегодного «облысения» (в период ухода за шелкопрядом) тутовник, который способен восстановить свое развитие (бывает, что на мазарах молятся даже усохшему и свалившемуся на землю тутовнику). Многочисленные образы деревьев представляют собой устойчивые символические значения, которые, в конечном счете, определяют место и роль каждого из них в мифоритуальной традиции.

В смысле именно символических значений деревьев, а не самих этих объектов в обрядности мы опираемся на точку зрения М. Элиаде. Он считает, что мы не вправе говорить «о культе дерева в буквальном значении» слова. Дереву «никогда не поклонялись только и исключительно как дереву; всякий раз действительным объектом поклонения было то, что <открывалось> через дерево, то, что дерево означало, на что оно указывало» [Элиаде 1991: 91]. Изложенные нами данные вполне это подтверждают.

В лексике таджиков существует устойчивое выражение *нихоли умр* (букв. «дерево / саженец жизни»). Это указывает на представление о прохождении дерева через годовой цикл в том смысле, что оно повторяет цикл жизни, смерти и воскресенья бесконечного числа форм на Земле. Намек на это содержится в легенде о рождении у коранического Мусы (библ. Моисей) сорока детей и их гибели. Об этой легенде сказано в предыдущем выпуске «Радловского сборника» [Рахимов 2011: 42]. Представляется уместным привести созвучный с уже известными легендами рассказ. Его лейтмотив — дерево как магическая сила и спасения, и гибели одновременно. Такой образ вполне соответствует представлению о дереве жизни, терминологически обозначаемом в таджикском выражении *нихоли умр*.

Сначала небольшая предыстория. Однажды в поездке из Душанбе в Пенджикент (север Республики Таджикистан) моими спутниками оказались двое молодых мужчин, родных братьев. Младший молчалив, если спросить его, он, конечно, ответит, как говорится, в телеграфных

выражениях. В прочих случаях он абсолютно безмолвен, ожидать, что он начнет разговор на какую-нибудь тему или хотя бы поддержит разговор, бесполезно. Старший брат, наоборот, может без усталости говорить сколько угодно и за сколько угодно собеседников типа своего брата. Для него наиболее любимая тема — мусульманская мифология. Он и поведал мне историю о *хазрате* Закарийо (евр. Захарийа), которую приходилось слышать и раньше. При этом я почувствовал, что при всей ее «наивности» в ней ощущается некий намек на представление таджиков о *нихоли умр*.

По рассказу, *мунофикин* (враги ислама), называвшиеся также *маикукин* (сомневающиеся) в истинности ислама) или *мушрикин*, преследовали *хазрата* Закарийо за его веру в учение Пророка Мухаммада. Убегая от них, он молил Аллаха защитить его. Когда, казалось бы, надежды на спасение уже не была и гибель святого была близка, волей Аллаха перед *хазратом* появилось громадное дерево с трещиной в стволе. Закарийо посмотрел в трещину, а там — пустота, похожая на пещеру. Праведник не успел и глазом моргнуть, как трещина расширилась до величины лаза. Он забрался в дупло, чтобы скрыться от преследователей. Но, замешкавшись, праведник не успел подобрать подол халата, и когда лаз начал сужаться, он оказался зажатый его сходящимися краями. По нему *мунофикины* определили, что Закарийо нашел убежище в дупле дерева.

Иблис подсказал им распилить дерево пополам сверху до низу. Враги ислама так и поступили. Когда пила коснулась головы *хазрата*, он закричал от боли. Невидимый небесный голос велел (*вахи омад*): «Терпи!». Святой подчинился. В конце концов, праведник ислама был распилен надвое. Он умер, не издав ни единого звука.

Когда *хазрата* уже не стало, Иблис заручился согласием его сына Яхьйо поставить герою памятник, такой, который верующим, которые будут приходить к нему на поклон, показался бы как подлинно живой Закарийо, каким он был при жизни. Яхьйо согласился. Иблис создал памятник и установил его в помещении там, где святой обычно располагался, когда принимал череду людей, уверовавших в ислам, в том числе из дальних стран. Они шли к нему на поклон с дарами. Приезжие *тоджирон* («торговцы») и те, чьи торговые караваны проходили через страну святого Закарийо, шли, занося в помещение, где стоял

памятник, драгоценные подношения, не подозревая, что там располагается не живой святой Закарийо, а его скульптурный образ.

В этом рассказе особый интерес для нас представляет образ дерева. В основных чертах он повторяет известные рассказы о магическом дереве спасения, но кое в чем и дополняет их. Безусловно, способность дерева спасти равносильно дарению человеку второй жизни. Но здесь парадокс состоит в том, что дупло оказывается ловушкой, неким силком ангела смерти Азраила: из-за козней сатаны праведник умирает вместе с деревом, пытавшимся его спасти.

Перед нами один из примеров двойственности образа «зеленого объекта»: дерево жизни является одновременно и деревом смерти, оно отражает религиозно-мифологическое воззрение о круговороте жизни во всех ее ипостасях — от рождения и до смерти. Как само мифологическое дерево последовательно проходит четыре стадии: возникновение (из семени или саженца / черенка), развитие, фертильность (плодородие) и высыхание (гибель) — так последовательно проходят периоды каждой отдельной жизни на земле: рождение (из семени), развитие, фертильность и финал (смерть). Продолжительность каждой фазы жизни у дерева и других форм жизни в биосфере разная, но принцип един. Поэтому дерево оказывается идеальным образом единства принципов жизни всего многообразия в мире. Это подтверждается представлением таджиков, которые, говоря о жизни, употребляют выражение *нихоли умр*, уподобляя, таким образом, ее стадии процессам развития дерева от его возникновения до высыхания. Мы видим, что *дерево жизни* для них — это не абстрактная категория смысла, а терминологически выраженный образ жизни (существования) в последовательности ее стадий.

В повествовании о Закарийо привлекает внимание, прежде всего, связь дерева жизни со смертью. Уже само наличие дупла в теле мифологического дерева служит сигналом к тому, что оно обречено на деградацию, за которой следует гибель. Но в этом контексте смерть должна рассматриваться как фактор возрождения (нового рождения): дерево (видимая его часть) может иссохнуть, но корни (невидимая его часть) останутся. Значит, сохраняется возможность, что из этих корней взойдут новые ростки, которые последовательно будут проходить все стадии той же жизни. Тот же принцип относится и к человеку: он умирает, но поколения его потомков повторят путь, им пройденный.

История о трагедии *хазрата* Закарийо на это намекает недвусмысленно: по ней, у насильственно убиенного праведника остается сын Яхйю. Иносказательно это выражено в эпизоде рассказа о подоле халата *хазрата*, оставшемся снаружи зажатым сходящимися краями дупла. Факт, что в вопросах подлинности и не подлинности сын легко оказывается под влиянием козней сатаны, но, как бы то ни было, ему предстоит пройти те же фазы жизни, что проходил отец.

Исламская традиция повествует и о мировом древе. На его листьях записаны имена всех людей. Листья, которые опадают, увлекаются ангелом смерти Азраилом как обреченные на смерть. В то же время дерево (яблоко, вишня или что-то еще) порождает цветок, который, проходя через фазы своего развития, опять становится плодом. Содержащееся в плоде семя попадает в почву, дает росток, из которого вырастает такое же дерево.

Давно известно, что развитие плодового дерева есть чудесное повторение универсального цикла жизни и смерти: «дерево — цветок — плод — семя — дерево». В принципе плодовое ли или не плодовое дерево растет, теряет и вновь восстанавливает потерянную листву или кору (платан). От основания вырубленного ствола, к примеру ивового дерева или яблони, растут новые побеги, способные становиться новым ивовым деревом или новой яблоней. Пока живы корни и ствол, восстанавливают себя и срезанные ветки тутовника-шелковицы в период кормления шелкопряда.

Способность дерева возрождаться неотделима от возрождения всего живого. Эта способность вызывает в душе такой же восторг, какой вызывает сама весна — сезон возрождения всего живого на Земле. Это обстоятельство поясняет нам мотивы благоговейно-трепетного отношения паломников к дереву не только в Симиандже, но и в других районах Центральной Азии с оседло-земледельческим населением.

Насыщенность дерева сакральными образами ощутима в христианской символике. Считается, что из древесины дерева познания смастерили крест Христа, который стал для верующего деревом жизни. Присутствие в Древе Иисеевом распятого Христа обусловлено тем, что согласно средневековой традиции погибшее дерево жизни может снова дать почки только в том случае, если на нем будет привит животворящий отросток — распятый Христос — и если оно будет полито кровью Христовой [Фергюсон 1998: 31].

Святитель Феодор Студит, говоря о животворящем древе, пишет, что оно «дарует нам жизнь, а не смерть, просвещает нас, а не омрачает, вводит нас в Едем, а не изгоняет из него». И далее: «Посему-то и Цер-

ковь ныне является имеющим посреди себя древо жизни раем, в котором уже нет обольстителя-демона» [Студит 1998: 80–81]. Перед нами замечательный образ дерева. Он ясно объясняет смысл обрядовых практик (*мушкилкушо*) таджиков. Наряду с отмеченными образами существуют, однако, и воззрения, которые лишний раз свидетельствуют о двойственности представлений о дереве.

Исламская мифология, наряду с деревьями, увешанными лакомыми плодами, которыми наслаждаются богобоязненные люди в райском саду, живописует представление о дереве *заккум*. Его листьями и плодами после Страшного суда кормятся грешники, осужденные на вечное проклятье.

Во время чтения руководительницей *мушкилкушо* молитв или магических сентенций она, в частности, произносит (заклинания даем в русском переводе): «Пусть пищей злонамеренных на том свете станут плоды дерева *заккум!*», «Пусть иссохнут корни злонамеренных!», «Пусть злонамеренные испытают в жизни горечи в сто раз больше, чем испытывает (больной, на которого направлен обряд)!» и т.п. Акцент в заклинаниях на слове «злонамеренные» нужно понимать в том смысле, что все беды и несчастья больного — результат намеренных действий злых людей, транслировавших в здоровый организм человека программу на болезнь. Из заклинаний руководительницы *мушкилкушо* видно, что она, желая исцеления больному, в свою очередь, программирует на болезнь *нехорошего человека*, в частности путем обращения к дереву *заккум*.

Библиография

- Рахимов Р.Р.* Коран и розовое пламя. СПб., 2007. С. 151–161.
- Рахимов Р.Р.* Муса в Коране и в сказаниях таджиков // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 41–46.
- Студит Феодор.* Придите, верни, Животворящему древу поклонимся // Крест Господень. М., 1998. С. 80–81.
- Фергюсон Дж.* Христианский символизм. Серия «Символь». Кн. VIII. М., 1998.
- Элиаде М.* Трактат по истории религии / Пер. с фр. А.А. Васильева. СПб., 1999. Т. II.